

Теория и история архитектуры. 2022. Вып. 1. С. 1–17
Theory and History of Architecture. 2022, no. 1, pp. 1–17

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / RESEARCH PAPER

УДК 72.03(282.256.33/.35)

DOI: 10.22227/2712-8237.2022.1.1-17

Особенности формирования и проблемы сохранения архитектурного наследия Сибири в условиях масштабных преобразований природной среды

**Игорь Андреевич Бондаренко¹, Владимир Владимирович Царёв¹,
Владимир Иннокентьевич Царёв^{1, 2}**

¹ Филиал «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (Филиал «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ); г. Москва, Россия

² Сибирский федеральный университет (СФУ); г. Красноярск, Россия

Рассмотрены процессы зарождения и развития архитектуры на территории Сибирского региона, находящегося в бассейне реки Ангары. В XVII–XVIII вв. она являлась важнейшим водным путем между Западной и Восточной Сибирью, способствовавшим ускоренному продвижению русских землепроходцев к берегам Тихого океана. Последовательное проникновение служилых людей от устья до истока Ангары (озера Байкал) обусловило возведение крепостей-острогов, ставших узловыми пунктами в системе речных коммуникаций. На ангарских берегах сформировалась сеть крестьянских селений, в которых русская старожильческая культура сохранялась вплоть до XX в. В XX – начале XXI в. огромное число сел и деревень оказалось в зонах затопления водохранилищ гидроэлектростанций, непрерывно возводившихся с 1950-х гг. В начале XXI в. натурные обследования, осуществленные авторами, показали, что в районах Приангарья сосредоточены последние очаги народного зодчества Сибири. Сохранение архитектурного наследия как важной составляющей своеобразия облика населенных мест, отражения исторических форм взаимодействия зодчества с ландшафтом — важнейшее условие устойчивого развития поселений региона, преемственности культурных традиций.

Ключевые слова: деревянное зодчество; старожильческие селения; архитектурное наследие; русское освоение Сибири; гидроэлектростанция; индустриализация; Ангара

Для цитирования: Бондаренко И.А., Царёв В.В., Царёв В.И. Особенности формирования и проблемы сохранения архитектурного наследия Сибири в условиях масштабных преобразований природной среды // Теория и история архитектуры. 2022. Вып. 1. С. 1–17. DOI: 10.22227/2712-8237.2022.1.1-17.

Автор, ответственный за переписку: igor.bondarenko.54@mail.ru

Features of formation and problems of preservation of the architectural heritage of Siberia in the conditions of large-scale transformations of the natural environment

Igor A. Bondarenko¹, Vladimir V. Tsarev¹, Vladimir I. Tsarev^{1, 2}

¹Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (NIITIAG); Moscow, Russian Federation

²Siberian Federal University (SibFU); Moscow, Russian Federation

The processes of origin and development of architecture on the territory of the Siberian region, located in the basin of the Angara River, are considered. In the XVII–XVIII centuries, it was the most important waterway between Western and Eastern Siberia, contributing to the accelerated advancement of Russian explorers to the shores of the Pacific Ocean. The successive penetration of service class people from the mouth to the source of the Angara (Lake Baikal) led to the erection of stockaded town, which became main points in the system of river communications. A network of peasant villages was formed on the Angara banks, where the Russian old-established culture was preserved up to the 20th century. In the XX – early XXI century, a huge number of villages and hamlets were flooded by the reservoirs of hydroelectric power plants, continuously built since the 1950s. In the early XXI century, field surveys carried out by the authors showed that the last centres of folk architecture of Siberia are concentrated in the Angara region. Preservation of architectural heritage as an important component of the originality of the appearance of settlements, the reflection of historical forms of interaction between architecture and landscape is the most important condition for sustainable development of settlements in the region, the continuity of cultural traditions.

Keywords: wooden architecture; old settlements; architectural heritage; Russian development of Siberia; hydroelectric power plant; industrialization; the Angara river

For citation: Bondarenko I.A., Tsarev V.V., Tsarev V.I. Osobennosti formirovaniya i problemy sokhraneniya arkhitekturnogo naslediya Sibiri v usloviyakh masshtabnykh preobrazovaniy prirodnoy sredy (Features of formation and problems of preservation of the architectural heritage of Siberia in the conditions of large-scale transformations of the natural environment). *Teoriya i istoriya arkhitektury (Theory and History of Architecture)*, 2022, no. 1, pp. 1-17. DOI: 10.22227/2712-8237.2022.1.1-17 (in Russian).

Corresponding author: igor.bondarenko.54@mail.ru

Весной 2022 г. в издательстве Сибирского федерального университета вышла монография «Архитектурное наследие Приангарья» (Царёв, 2022), которая в сентябре того же года была отмечена среди других печатных изданий об архитектуре дипломом Союза архитекторов России на XXX Международном архитектурном фестивале «Зодчество» (г. Москва). Содержательная часть монографии посвящена старожильческим селениям на Ангаре, своеобразной крестьянской архитектуре, несущей в себе черты издревле выработанных типов строений: жилых домов, хозяйственных построек, инженерных сооружений и зданий культового назначения, возводившихся в Ангарском крае с XVII до начала XX столетия. Авторы подготовили свой труд на основании многолетних

Рис. 1. Нижнее Приангарье. Строительство Богучанской ГЭС. Фотография авторов 2013 г.

экспедиционных и поисковых разработок, вошедших в план фундаментальных научных исследований Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН) и Минстроя России на 2020 г. Первый тираж издания весьма ограничен, всего 500 экземпляров, поэтому книга уже является библиографической редкостью. Осознавая важность результатов своего научного труда для сохранения исторической памяти и культурных традиций Ангарского края, а также для расширения круга любознательных читателей, авторы решили представить расширенный обзор выявленных и систематизированных материалов на страницах сборника серии «Теория и история архитектуры», тематика которого непосредственно связана с проблемами формирования и развития регионов России.

Об актуальности проблемы

Процессы нового этапа индустриализации Сибири в XXI в., такие как возведение Богучанской ГЭС, освоение нефтегазовых месторождений в прилегающих к ней районах, запуск в эксплуатацию Богучанского алюминиевого завода, строительство новых гидроэлектростанций на Ангаре, влекут за собой не только значительные природопреобразующие мероприятия, но и создают реальную угрозу утраты памятников истории и культуры (рис. 1).

Рис. 2. Нижнее Приангарье. Ареалы сосредоточения историко-архитектурных объектов. Современное состояние. Выполнили авторы

Проведенные авторами в последнее десятилетие экспедиционные обследования показали, что в Ангарском крае все еще имеется богатый материал для изучения народной архитектуры (рис. 2).

Зарождение и развитие русских традиций зодчества в Приангарье

В XVII – начале XX в. сложились общие и специфические принципы и приемы расселения, планировки и застройки ангарских селений, типы построек, архитектурные формы как синтез общероссийских и региональных традиций. Для русских землепроходцев Верхняя Тунгуска (Ангара) служила основной транспортной магистралью, соединявшей Центральную Сибирь с Восточной. На ее берегах они построили крепости-остроги: Рыбинский, Илимский, Братский, Иркутский (рис. 3).

Отдаленность от основных транспортных путей и торгово-экономических центров, окраинное (периферийное) положение в административных территориях способствовало формированию на землях Нижнего и Среднего Приангарья компактной группы русского старожильского населения, сохранявшего на протяжении длительного периода специфические черты и традиции архитектурно-планировочной организации селений (рис. 4).

Рис. 3. Башня Братского острога в Московском государственном объединенном художественном историко-архитектурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике «Коломенское». Фотография авторов. 2017 г.

Рис. 4. Нижнее Приангарье. Свободная застройка деревни Каменка. Фотография начала XX века. Красноярский краевой краеведческий музей

В выявленных авторами архивных документах приводятся исторические данные о строительстве в острогах, селах и деревнях по берегам Ангары многих часовен и церквей, а также монастырей. Обращает на себя внимание такой знаменательный факт, как пожертвование одним знатным крещеным тунгусом не только средств на строительство монастыря, но и самой земли, находившейся в его наследственной родовой собственности (Царёв, 2022). Этот показательный пример заимствован из исторической летописи основания Кашиношиверского Спасского монастыря на берегах Верхней Тунгуски (Ангары) в XVII в. (это место ныне находится на дне водохранилища Богучанской ГЭС). В первоисточниках показана деятельность монастыря как духовного очага право-

Рис. 5. Нижнее Приангарье. Село Монастырское (Кашиношиверское). Церковь Преображения Господня (1827–1828 гг.). Фотография И. С. Косолапова 1930-х гг. (Фотоальбомы)

славия и важного населенного пункта для продовольственного обеспечения отрядов служилых и торговых людей, перемещавшихся по главной транспортной коммуникации XVII–XVIII вв. — Верхней Тунгуске (Ангаре) (рис. 5).

В архивных фондах сохранились редкие текстовые и графические материалы о Троицком солеваренном заводе, основанном енисейскими жителями на притоках Нижней Ангары в первой половине XVII в. В настоящее время значение этого производственного предприятия, действовавшего до начала текущего столетия, определяется, прежде всего, его уникальностью, так как таких заводов-патриархов сохранилось в Сибири немного. Результаты натурных исследований, проведенных авторами, свидетельствуют о высокой историко-культурной ценности сохранившихся на территории завода объектов промышленной архитектуры (рассолоподъемные колодцы, варницы, амбары). Этот очаг архитектурного наследия находится в последние годы в забвении и подвержен реальной угрозе полного исчезновения (рис. 6).

Результаты исследования были апробированы на кафедре градостроительства Института архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета (г. Красноярск) в дипломном проекте, выполненном на тему «Историко-архитектурный музей “Троицкий

солеваренный завод” в Тасеевском районе Красноярского края» (рис. 7).

Проектные предложения, содержащиеся в научной выпускной работе, неоднократно представлялись профессиональному архитектурному сообществу и отмечены рядом наград. В настоящее время дипломный проект «Историко-архитектурный музей “Троицкий солеваренный завод” в Тасеевском районе Красноярского края» находится в составе постоянной экспозиции Тасеевского краеведческого музея. Научно обоснованное включение объектов культурного наследия и исторической застройки в сферу современных потребностей общества — действенный механизм сохранения нашей культурной идентичности, проявленной в архитектуре. Хотелось бы надеяться, что эти исследования не останутся в стенах вуза, а станут основой для практической архитектурной деятельности. Решение проблем сохранения архитектурного наследия Сибири возможно только при объединении усилий всех заинтересованных субъектов

Рис. 6. Троицкий солеваренный завод. Рассолоподъемный колодец. Фотография авторов. 2014 г.

Рис. 7. Дипломный проект на тему «Историко-архитектурный музей «Троицкий солеваренный завод» в Тасеевском районе Красноярского края». Дипломники И. Пословин, Е. Бохан. 2015 г. Научные руководители: доктор архитектуры, профессор В.И. Царёв, старший преподаватель К.Г. Латышева

научной, культурно-просветительской и управленческой деятельности в единой организационной структуре. Следует помнить уроки истории, наглядно демонстрирующие нам, что прогресс без сохранения основ культуры ведет к разрушительному варварству.

Первоочередное внимание исследователи сибирских земель всегда уделяли скрупулезному выявлению изменявшегося и пополнявшегося с течением времени перечня населенных мест и конечно же определению их расположения на берегах и островах Ангары и некоторых ее притоков. Результаты этой работы впечатляют. В 1675 г. русский посланник Николай Спафарий в описании своего путешествия через Сибирь в Китай отметил от устья Тунгуски (Ангары) и до ее истока из озера Байкал 77 русских селений (*Спафарий*, 1882). В 1887–1889 гг. были проведены исследования всего русла Ангары с целью определения практических мероприятий, которые могли бы способствовать улучшению судоходства по порожистой реке. Они показали, что на берегах Ангары (от устья до озера Байкал) находился 231 населенный пункт, из них было два города: Балаганск и Иркутск, сел — 32, деревень — 169, выселок — 4, одно зимовье, Вознесенский монастырь, фабрично-заводских производств — 3 и 19 улусов бурят (*Краткое описание*, 1894). Все они размещались относительно равномерно по обоим берегам реки. Следует отметить размещение 36 островных деревень (рис. 8).

Важна констатация того факта, что предпочтение отдавалось освоению северного, правого берега Ангары, имевшего солнечную экспозицию. Дома ставились здесь своими передами не только к улице, но и к воде. Левобережные же селения поворачивались к Ангаре задрами, несмотря на весьма почтительное и благоговейное отношение к этой реке (рис. 9).

Обобщение выявленных исторических сведений об особенностях формирования ангарских селений и сопоставление их с материалами натурных исследований позволяют проследить процесс зарождения и преобразования их планировки и застройки. Первые поселенцы ставили свои дома так, чтобы быть прежде всего ближе к воде. Это определяло

Рис. 8. Нижнее Приангарье. Островная деревня Селенгино. Фотография начала XX в. Кежемский историко-этнографический музей им. Ю.С. Кулаковой

прибрежно-линейную планировку большинства ангарских старожильческих селений. Одновременно развивалась и ранняя форма их плана — свободная. Постепенно двух-трехдворные деревни разрастались и образовывали гнездовую (кучевую) планировку. Располагаясь около рек, на островах и проезжих дорогах, гнездовые деревни органически сливались с окружающей природой, приспосабливались к рельефу местности. Река как водная магистраль, как существенный фактор хозяйственной деятельности и, наконец, как важнейший дополнительный источник продуктов питания становилась организующим на-

Рис. 9. Село Кежда на правом берегу Ангары. Фотография начала XX в. [6, с. 6]

Рис. 10. Нижнее Приангарье. Главная улица села Богучаны. Фотография 1930 г. Богучанский краеведческий музей

чалом в планировке селений. В XIX в., когда жизнь сельских поселенцев все в большей степени начала подвергаться регламентации официальными властями, возник новый тип планировки — уличная двухсторонняя, а затем и квартальная (рис. 10).

Огромный интерес представляют и сами усадьбы с их жилыми избами, клетями, сенями, крытыми и открытыми дворами, амбарами, хлевами, банями, тынами, воротами и прочими деревянными сооружениями, включая элементы благоустройства и замощения улиц и дворов. Проведенный анализ историко-архитектурных материалов позволил выявить на территории Приангарья существование разных типов домов, обращавшихся на улицу чаще всего короткими торцевыми фасадами, но иногда и боковыми — длинными. Это можно считать свидетельством проникновения сюда строительных традиций разных регионов России (рис. 11).

Поначалу поселенцы довольствовались скромными избами-четырёхстенками, к которым пристраивались менее капитальные холодные сени. Со временем стало появляться все больше трехчастных домов на относительно высоких подклетах, состоявших из отапливаемой зимней избы, летней клетки без печи или горницы и сеней между ними. Таким образом, с самого начала русской колонизации под влиянием местных условий жилые и хозяйственные постройки начали приобретать специфические черты, основанные на элементах северорусского деревянного зодчества, способствовавших формированию определенного типа сибирского народного жилища (рис. 12).

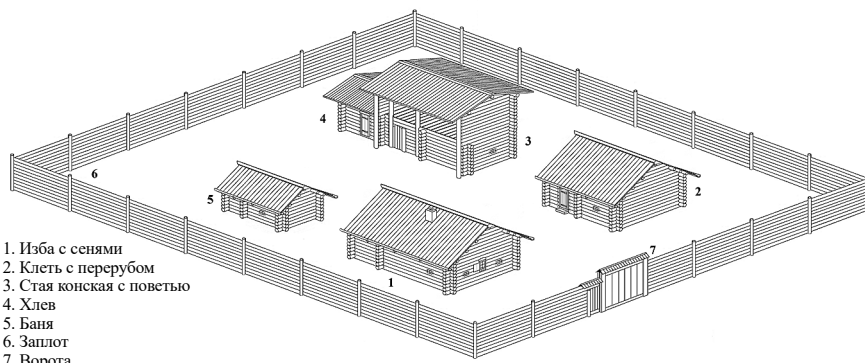
В XVIII в. основными структурными ячейками селений являлись дворовые участки, площади которых имели довольно значительные размеры (от 600 до 1500 м²). Этому способствовало наличие свободных земель в новых городских и земледельческих селениях. Значительную часть площади дворовых мест стали занимать огороды, которые располага-

Рис. 11. Село Богучанское. Уличный фасад жилого дома. Фотография А.П. Ермолаева. 1911 г. Красноярский краевой краеведческий музей

лись, как правило, за жилыми и надворными постройками, завершая общую территорию хозяйственного комплекса (рис. 13).

Находятся данные о строительстве в этих краях и больших домов-шестистенков с крестообразно расположенными внутренними стенами. Такие дома получались широкими, в идеале квадратными в плане. При этом в народе они именовались «круглыми». На рубеже XIX–XX вв. большой круглый дом, нередко в два этажа, становится показателем зажиточности сельского населения (рис. 14).

1. Изаба с сенями
2. Клеть с перерубом
3. Стая конская с поветью
4. Хлев
5. Баня
6. Заплот
7. Ворота

Рис. 12. Застройка двора в ангарских селениях XVII в. Графическая реконструкция авторов

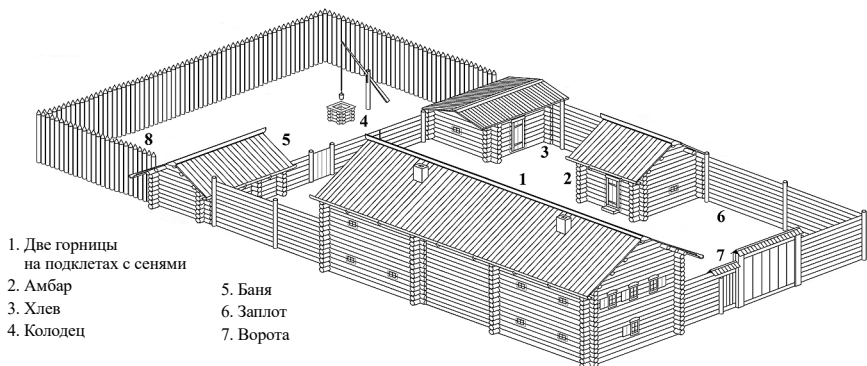

Рис. 13. Застройка двора в селениях Енисейского уезда XVIII в. Графическая реконструкция авторов

Рис. 14. Нижнее Приангарье. Село Богучаны. Дом и постройки богатого хозяйства. Фотография А.П. Ермолаева. 1911 г. Красноярский краевой краеведческий музей

Статистические данные, собранные в исследовании, определенно указывают на то, что многие деревни в этих краях, несмотря на многокилометровую разобщенность, не имели даже часовен. В них существовали лишь «молитвенные дома». Церкви зафиксированы, главным образом, в селах и монастырях. И то про некоторые из них написано: «по чьему разрешению поставлена неизвестно» (рис. 15).

Ангарские жители склонны были воспроизводить аскетичные архитектурные формы, хотя могли придавать им и большую пластическую выразительность, как это видим мы на Русском Севере. В данном случае, на Ангаре, они соглашались на возведение храмов и по новым, классицистическим образцовым проектам, насаждавшимся Синодом. Впрочем, согласие их на то не требовалось. Империя вела свою унифицирующую конфессиональную политику, с которой приходилось считаться (рис. 16).

Проблема модернизации Ангарского края

Начиная с 1930-х гг. восточные районы страны стали представлять интерес для развития энергоемких отраслей производства, создаваемых в едином комплексе с гидроэлектростанциями, намечавшимися к строительству на реках Сибири, среди которых для

Рис. 15. Деревня Яркино на реке Чадобец (приток Ангары). Старинная часовня. Фотография А.П. Ермолаева. 1911 г. Красноярский краевой краеведческий музей

Рис. 16. Деревня Юрхота Кежемского района Красноярского края. Церковь XIX в. Фотография авторов. 2014 г.

Рис. 17. Спасская церковь (1785–1807 гг.) перед затоплением села Кежма. Фотография 2009 г. Кежемский историко-этнографический музей им. Ю.С. Кулаковой

первоочередного освоения были выбраны Ангара и Енисей. При изучении речных долин исследователи указывали на их освоенность сибирскими старожилками.

В архитектуре селений сибирских старожилов впоследствии произошли значительные утраты, так как огромное число сел и деревень оказалось в зонах затопления водохранилищ гидроэлектростанций, непрерывно возводившихся с 1950-х гг. В связи с постройкой ГЭС и их пагубным воздействием на первозданную самобытность Сибирского края в научной, творческой и общественной среде особое значение стали приобретать вопросы о широком изучении и фиксации памятников старожильческой культуры, а наиболее ценные образцы этого народного творчества предлагалось сохранить.

В данном случае единственной оптимальной формой охраны и пропаганды памятников деревянного зодчества была признана организация архитектурно-этнографических музеев, создаваемых на основе свозимых строений из затопляемых водохранилищами селений. Например, чтобы сохранить древнее самобытное зодчество Приангарского края, часть дворов с хозяйственными постройками перевезли в музей под открытым небом, созданный в 1966 г. на берегу Иркутского водохранилища (ныне — архитектурно-этнографический музей «Тальцы»). В 1979 г. в городе Братске создан музей «Ангарская деревня».

Во второй половине 1980-х гг. специалистами московского института «Спецпроектреставрация» были проведены исследования старожильческих селений в зоне затопления Богучанской ГЭС и разработан проект архитектурно-этнографического музея, который предполагалось разместить на берегу Ангары вблизи нового города Кодинска (*Архитектурно-этнографический*, 1987). Однако последовавшие в стране социальные изменения не позволили достроить в те годы гидроэлектростанцию и воплотить в жизнь замыслы архитекторов-реставраторов о музее народного зодчества, которые были забыты более чем на два десятилетия. Пусть эти музеи служат вечным напоминанием о такой «прогрессивной» модернизации среды, которая повлекла за собой уничтожение ее жизнедеятельности. Напоминанием и укором тем, от кого зависело принятие принципиальных решений.

На новом этапе индустриализации региона власти и инвесторы даже не ставят вопрос о сохранении исторических объектов, а проектировщики выдают скромные рекомендации о том, что инвентаризация объектов культурного наследия должна быть проведена в рамках специализированной работы. Игнорирование результатов историко-архитектурных исследований в районах Нижнего Приангарья позволяет некоторым «экспертам» делать необоснованные выводы об отсутствии ценных признаков среди сохранившихся объектов крестьянской архитектуры (рис. 17).

Заключение

Почему в наше время происходит такое? Очевидно потому, что в нашем сообществе нет настоящего осознания той уникальной и невозстановимой ценности, которой обладают приносимые в жертву гидротехническим сооружениям поселения и культурные ландшафты. Многих из нас отличает высокомерный взгляд на деревенские строения, сильно обветшавшие к настоящему времени, а то и покинутые хозяевами, отдавшими предпочтение городскому образу жизни. Некоторым людям кажется, что все стоящее уже выявили и перенесли в музеи, а то, что осталось, не заслуживает внимания. Им невдомек, насколько сильно возрос и продолжает возрастать в последнее время общественный интерес к истории, культуре и отнюдь не только знаковым, но и рядовым, совсем скромным памятникам старины.

В ходе экспедиционных исследований планировки и застройки двух десятков старожильческих сел и деревень авторами выявлено и изучено около 200 объектов архитектурно-исторического наследия: крестьянских усадеб с жилыми и хозяйственными постройками, общественно-хозяйственных построек, инженерных сооружений и культовых зданий; велась фотофиксация, а также проводились обмеры отдельных строений. Проводимая авторами разработка принципов и методических подходов сохранения архитектурного наследия Приангарья ориентирована на концепцию создания регионального историко-архитектурного и культурно-рекреационного комплекса. Одним из вариантов сохранения архитектурного наследия в исследуемом районе может стать предложение по созданию территорий сосредоточения историко-культурных объектов в единой градостроительной структуре Кудинского промышленного узла. По проектным прогнозам, представленным в документах территориального планирования промышленного района Нижнее Приангарье, некоторые из старожильческих селений — Сыромолотово, Чадобец, Заледеево и Климино, основанные в XVII–XVIII вв., — должны войти в объединенную структуру города Кудинска. Уникальной особенностью рассматриваемых сел и деревень является то, что в их застройке имеются крестьянские усадьбы, состоящие из построек жилого и хозяйственного назначения, сохранившие до сегодняшних дней элементы плотнического мастерства более чем двухсотлетней давности. На этих территориях было бы целесообразно собрать наиболее ценные образцы комплексов жилых усадеб, отдельных объектов культового и хозяйственного назначения, вынесенных из зон активного промышленного освоения. Например, в районе старожильческой деревни Чадобец имеется возможность формирования подобного локального ядра, в которое можно включить территорию археологических раскопок стоянки древних народов Сибири (рис. 18).

Леонардо да Винчи в свое время высказал глубочайшую мысль: «Великая любовь порождается великим знанием». Действительно, как можно ценить и любить то, о чем имеешь поверхностное, туманное представление?

Не зная по-настоящему наследия Приангарья, легко можно пережить его уничтожение. Ничего не стоит принять решение о затоплении огромных территорий с их первобытными стоянками, священными урочищами, могилами и кочевьями аборигенов, старожильческими поселениями, церквями и монастырями, а заодно и со звериными норами и тропами, берлогами и логовами, птичьими гнездами и самими вековыми деревьями, рощами и борами, густыми чащами и светлыми полянами, холмами и болотами, реками и озерами, каменистыми обрывами и заливыми лугами... А нам останется с сожалением вспоминать укоризненные слова сибиряка Валентина Распутина: «Что должен чувствовать человек, ради которого жили многие поколения? Ничего он не чувствует. Ничего не понимает. И ведет он себя так, будто с него с первого и началась жизнь и им она навсегда закончится» (*Распутин*, 1983: 142). Эти выстраданные писателем жгучие фразы не могут оставить равнодушным никого, кто их прочтет с должным вниманием.

Вот для чего нужны и важны исследования подобных уголков нашей страны. Они призваны просветить читателей и пробудить в них интерес к уникальной территории Приангарья, дать им необходимые знания, а в конечном итоге — привить любовь к этой богатой земле и обильной воде, чарующим пейзажам и остающимся еще здесь следам многих трудов человеческих. Когда это произойдет, тогда, несомненно, изменится к лучшему отношение к проблемам сохранения и регенерации наследия, а преобразовательная деятельность войдет в рамки допустимого. Опыт проведения таких исследований

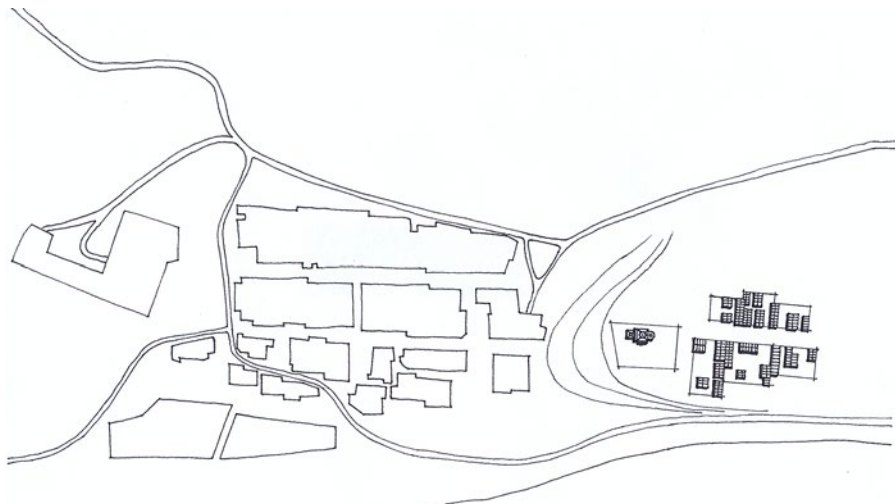

Рис. 18. Вариант размещения архитектурно-исторического музея в деревне Чадобец. Предложение авторов

стоило бы распространить и на другие местности и регионы. Ведь они тоже нуждаются в выявлении, изучении и сохранении своего историко-культурного и природного наследия, являющегося неотъемлемой частью общенационального достояния Российской Федерации.

Список источников

- Царёв 2022* — Царёв В. В., Царёв В. И. Архитектурное наследие Приангарья : монография / В. В. Царёв, В. И. Царёв (вступительная статья И. А. Бондаренко). Красноярск : СФУ, 2022. 388 с.
- Царёв 2020* — Царёв В. В., Царёв В. И. Кашиношиверский монастырь в Приангарье: этапы и особенности формирования // Баландинские чтения : сб. статей научных чтений памяти С. Н. Баландина. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств им. А. Д. Крячкова, 2020. Т. XV. С. 149–157.
- Фотоальбомы* — Фотоальбомы Иосифа Степановича Косолапова. URL: <http://kezhma.com/Albomy/Fotoalbomy-Iosifa-Stepanovicha-Kosolapova> (дата обращения 23.03.2022).
- Спафарий 1882* — Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. X. Вып. 1. СПб., 1882. С. 30–193.

- Краткое описание 1894* — Краткое описание исследования реки Ангары, произведенного Ангарскою описною партией в 1887–1889 годах под начальством инженера М. Чернцова. СПб. : Стат. отд. М-ва путей сообщения, 1894. 72 с.
- Макаренко 1913* — Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении: Восточная Сибирь. Енисейская губерния. СПб. : Гос. тип., 1913. VII, [1], 292, [2]. (Записки Русского географического общества по Отделению этнографии. Т. 36).
- Архитектурно-этнографический 1987* — Архитектурно-этнографический музей в г. Кодинске. Проект генерального плана музея. Пояснительная записка к эскизному проекту генерального плана архитектурно-этнографического музея зоны затопления Богучанской ГЭС в г. Кодинске Кежемского района Красноярского края. Научно-проектная документация. Т. 3. Кн. 3. М. : Спецпроектреставрация, 1987. 37 с.
- Распутин 1983* — *Распутин В.Г.* Прощание с Матёрой: повести. Красноярск : Кн. изд-во, 1983. 592 с.

References

- Caryov V.V., Caryov V.I. *Arhitekturnoe nasledie Priangar'ya (Architectural Heritage of the Angara Region)*. Krasnoyarsk : SFU Publ., 2022 (in Russian).
- Caryov V.V., Caryov V.I. *Kashinoshiverskij monastyr' v Priangar'e: etapy i osobennosti formirovaniya (Kashino Shiver Monastery in the Angara Region: Stages and Features of Formation)*. Novosibirsk : Novosib. gos. un-t arhitektury, dizajna i iskusstv im. A.D. Kryachkova Publ., 2020 (in Russian).
- Fotoalbomy-Iosifa-Stepanovicha-Kosolapova*. URL: <http://kezhma.com/Albomy/Fotoalbomy-Iosifa-Stepanovicha-Kosolapova> (in Russian).
- Spafarij N. *Puteshestvie cherez Sibir' ot Tobol'ska do Nerchinska i granic Kitaj.russkogo poslannika Nikolaya Spafariya v 1675 godu. Dorozhnyj dnevnik Spafariya s vvedeniem i primechanijami Yu.V. Arsen'eva (A Journey Through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the Borders of China by the Russian Envoy Nikolai Spafari in 1675. Spafari's Travel Diary with an Introduction and Notes by Yu.V. Arsenyev)*. Saint Petersburg, 1882 (in Russian).
- Kratkoe opisanie issledovaniya reki Angary, proizvedennogo Angarskoyu opisnoyu partiejy v 1887–1889 godah pod nachal'stvom inzhenera M. Cherncova (A Brief Description of the Study of the Angara River, Carried Out by the Angara Survey Party in 1887–1889 under the Supervision of Engineer M. Cherntsov)*. Saint Petersburg : Stat. отд. М-ва putej soobshcheniya Publ., 1894 (in Russian).
- Makarenko A.A. *Sibirskij narodnyj kalendar' v etnograficheskom otnoshenii (Siberian Folk Calendar in Ethnographic Terms: Eastern Siberia. Yenisei Province)*. Saint-Petersburg, Gos. publ., 1913 (in Russian).
- Arhitekturno-etnograficheskij muzej v g. Kodinske. Proekt general'nogo plana muzeya. Poyasnitel'naya zapiska k eskiznomu proektu general'nogo plana arhitekturno-etnograficheskogo muzeya zony zatopeniya Boguchanskoj GES v g. Kodinske Kezhemskogo rajona Krasnoyarskogo kraja. Nauchno-proektnaya dokumentaciya (Architectural and Ethnographic Museum in Kodinsk. Draft General Plan of the Museum. Explanatory Note to the Draft of the Master Plan of the Architectural and Ethnographic Museum of the Boguchanskaya HPS*

Flooding Zone in Kodinsk, Kezhemsky District of the Krasnoyarsk Territory. Scientific and Project Documentation). Moscow, Спецпроектrestavraciya Publ., 1987 (in Russian).

Rasputin V.G. *Proshchanie s Matyoroj: Povesti (Farewell to Mater: Stories)*. Krasnoyarsk : Books publ., 1983 (in Russian).

ОБ АВТОРАХ: **Игорь Андреевич Бондаренко** — доктор архитектуры, профессор, главный научный сотрудник, академик РААСН, лауреат Государственной премии России в области литературы и искусства; **Филиал «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (Филиал «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ)**; 111024, г. Москва, ул. Душинская, д. 9; igor.bondarenko.54@mail.ru

Владимир Владимирович Царёв — кандидат архитектуры, старший научный сотрудник отдела проблем реконструкции и реставрации историко-архитектурного наследия, консультант отдела обеспечения градостроительной деятельности министерства строительства Красноярского края; **Филиал «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (Филиал «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ)**; 111024, г. Москва, ул. Душинская, д. 9;

Владимир Иннокентьевич Царёв — доктор архитектуры, главный научный сотрудник отдела проблем реконструкции и реставрации историко-архитектурного наследия; **Филиал «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (Филиал «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ)**; 111024, г. Москва, ул. Душинская, д. 9; профессор кафедры градостроительства Института архитектуры и дизайна; **Сибирский федеральный университет (СФУ)**; 660041, г. Красноярск, пр-т Свободный, д. 79.

BIONOTES: **Igor Andreevich Bondarenko** — Doctor of Architecture, Professor, Chief Researcher, Academician of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, laureate of the State Prize of Russia in the Field of Literature and Art; **Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (NIITIAG)**; 9 Dushinskaya st., Moscow, 111024, Russian Federation;

Vladimir Vladimirovich Tsarev — Candidate of Architecture, Senior Researcher, Consultant of the Department of Urban Planning Support of the Ministry of Construction of the Krasnoyarsk Territory; **Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (NIITIAG)**; 9 Dushinskaya st., Moscow, 111024, Russian Federation;

Vladimir Innokentievich Tsarev — Doctor of Architecture, Chief Researcher; **Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (NIITIAG)**; 9 Dushinskaya st., Moscow, 111024, Russian Federation; Professor of the Department of Urban Planning of the Institute of Architecture and Design; **Siberian Federal University (SibFU)**; 79 Svoobodny av., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation.
